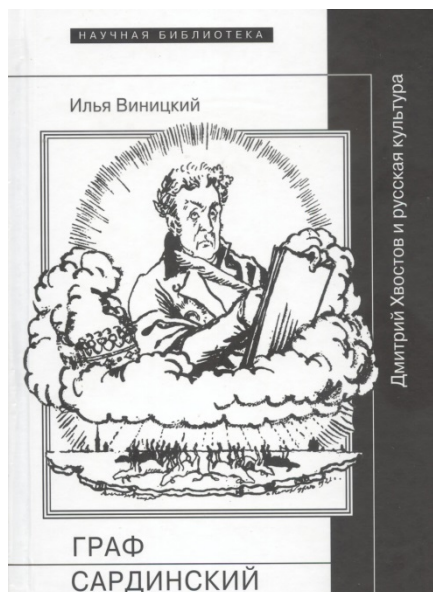

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/19986645/51/20

«Отец зубастых голубей...»: личность и творчество графа Д.И. Хвостова на фоне русской поэзии. Рецензия на книгу: Веницкий И. Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура / Илья Веницкий. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 352 с.: ил.

В настоящей монографии исследуются творчество и аспекты биографии мастера русского слова графа Дмитрия Ивановича Хвостова – его авторские травмы и практики, творческие стимулы и повседневные тактики, его пародическая личность и политическая идентичность в историческом разрезе и в контексте формирования русской поэзии. Автор, отталкиваясь от культурно-антропологического подхода,

уравнивающего великих творцов и тех, кто способен лишь на забавные безделушки, доказывает, что только у такого народа, у которого есть Пушкин, мог появиться такой поэт, как Хвостов.

Имя и творчество Дмитрия Ивановича Хвостова – графа Сардинского – не однажды привлекало внимание его современников, историков литературы и культуры XIX–XX столетий. Репутация Хвостова-поэта, сложившаяся за два последних века, настолько однозначна, что, казалось бы, трудно себе представить хоть какую-то возможность появления новых работ о нем, с новыми подходами и не вписывающимися в сложившуюся традицию оценками. Комичная слава поэта Хвостова за все время существования поэзии только усиливалась, а сам этот персонаж истории отечественной словесности если и существовал в ней, то исключительно как пример дурной поэзии и полного отсутствия малейшей авторской самокритики и саморефлексии. Собственно, сам этот феномен перекликается с известной репликой раннего М.М. Бахтина о путях «сатиризации героя»: «...задний план, то невидимое и неизвестное, происходящее за спиной героя, может сделать комической его жизнь и его познавательно-этические претензии» [1. С. 102].

Вряд ли будет преувеличением сказать, что у подавляющего большинства специалистов по русской литературе Д.И. Хвостов вызывает чувство

глубокой благодарности только по одной причине: без его поэзии не было бы огромного количества самых остроумных эпиграмм, украсивших русскую комическую словесность первой половины XIX в.

Хотя отношение к Хвостову-поэту, как представляется, довольно однозначно, нюансы его восприятия заслуживают особого внимания. Достаточно напомнить, что именно Хвостову посвящает юный А.С. Пушкин самые свободные от обценной лексики строки «В тени Баркова» (1815):

Как иногда поэт Хвостов,
Обиженный природой,
Во тьме полуночных часов
Корпит над хладной одой,
Пред ним несчастное дитя –
И вкривь, и вкось, и прямо
Он слово звучное, кряхтя,
Ломает в стих упрямо... [2. С. 34].

Отечественному литературоведению тоже есть за что быть благодарным Д.И. Хвостову. С достаточной частотой это имя мелькает на страницах работ ведущих пушкинистов (от Б.Л. Модзалевского [3] и Б.В. Томашевского [4] до Ю.М. Лотмана [5, 6], В.Э. Вацура [7] и М.И. Шапира [8]), возникает как особый сюжет у Л.В. Пумпянского [9], Ю.Н. Тынянова [10], А.В. Западова [11], что в конечном итоге позволяет даже предположить возможность своего рода диалога «Хвостов – Пушкин» в историко-литературном и историко-культурном пространстве первой трети XIX в., инициатором которого был отнюдь не младший из современников.

Особый интерес на фоне масштабных фигур Г.Р. Державина, В.П. Петрова, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и др. Д.И. Хвостов вызывал, конечно же, своей человеческой судьбой: герой комический, практически анекдотический, он в своих деяниях иногда поднимался до почти трагических высот, что порой вызывало у историков литературы, соприкасавшихся с его творчеством, не только саркастическую усмешку, но и интонацию человеческого участия и понимания. Достаточно вспомнить характеристику, данную Хвостову известным исследователем русской литературы и культуры М. Г. Альтшуллером: «Неглупый и добродушный по природе, Хвостов стойчески переносил <...> насмешки <...> Бескорыстно влюбленный в поэзию, Хвостов собирал и тщательно сохранял в своем архиве материалы по истории русской литературы» [12. С. 425].

Не менее примечательна попытка вернуть современному читателю хотя бы часть поэтического наследия Д. И. Хвостова, предпринятая поэтом и литературоведом М. Амелиным в самом конце второго тысячелетия. Как писал составитель сборника в предисловии, «...место графа Хвостова в истории отечественной словесности уникально: он стал учителем русских поэтов *от противного* <...> Имя Хвостова вечно, но и забытое творчество графа со взлетами и провалами – неиссякаемый источник вдохновения, благодатная почва для исследователей» [13].

Еще более примечательным оказалось появление монографии М.Г. Альтшуллера «Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства» (2007), в первой части которой «Литературная деятельность “Беседы”» автор дает «общий очерк» творчества Д.И. Хвостова, ставя перед собой задачу показать, что «все нарушения общепринятых представлений, все то, что казалось читателям-современникам проявлением скудоумия несчастного графомана, на самом деле является художественным приемом. Каждая нелепость, если рассматривать ее с точки зрения внутренней системы хвостовской басни, становится функционально действующей» [14. С. 204].

На этом фоне вполне логичным выглядит появление рецензируемой монографии И.Ю. Виницкого, профессора одного из ведущих американских учебных заведений – Принстонского университета. Автор достаточно хорошо известен отечественной аудитории как исследователь русской литературы конца XVIII–XIX столетия, на счету которого монография «Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского» (2006), статьи в «Вопросах литературы» и «Новом литературном обозрении». Изданная в хорошо известной «Научной серии» издательства «Новое литературное обозрение», эта книга вполне вписывается в солидный круг появившихся в ней трудов о русской литературе – В.Э. Вацура, Н.А. Богомолова, А.В. Лаврова, М.Б. Ямпольского, А.И. Рейблата, М.Л. Гаспарова и др. Понятна и сверхзадача автора: представить некий синтез литературной биографии Д.И. Хвостова и литературоведческой эссеистики на тему его творчества и личности.

Известное уважение издательства к чувству творческой свободы и писательской независимости публикуемых авторов в рецензируемой книге обретает, думается, предельное выражение, прорывающееся уже в подзаголовке: «Историко-литературное отдохновение от педагогической работы, житейской суеты и печальных мыслей, вызванных падением переднего зуба и современными историко-политическими обстоятельствами» (с. 3). Еще более неожиданной оказывается форма подачи такого совсем уж традиционного (почти технического) элемента книги, как аннотация, которую автор ухитряется зарифмовать вполне в духе своего героя: «В настоящей монографии / исследуются творчество и аспекты биографии / мастера русского слова / графа Дмитрия Ивановича Хвостова / – его авторские травмы и практики, / творческие стимулы и повседневные тактики, / его пародическая личность / и политическая идентичность / в историческом разрезе / и в контексте формирования русской поэзии» (с. 4). Вряд ли можно сказать, что Виницкий здесь превзошел поэтический талант своего героя, но и уступает он ему незначительно.

Критику-архаисту, досужему консерватору, не готовому к подобным эскападам в общем-то уже далеко не юного автора, подобное явно придется не по вкусу. Выскажем предположение, что здесь реализуется продуманная стратегия автора, направленная на то, чтобы отсечь от своего творения не слишком заинтересованного читателя. Действительно, только тот,

кому реально интересна личность Хвостова, сумеет «продраться» сквозь натужную развлекательность авторского стиля, его опыты «филологической прозы» (по странной декларации И. Веницкого, им не особо любимой и почитаемой) и всю не слишком убедительную игру с читателем. Простим автору эту неспособность отделить в себе литературоведа от писателя, объяснив ее максимально просто: таково, по-видимому, влияние той самой эпохи «блестящего дилетантизма» конца XVIII – начала XIX столетия. И, похоже, неискоренимое обаяние главного героя, симпатия к которому в конечном итоге обретает явные очертания беззаветной любви и преданности.

Злобный завистник, чьи труды, предположим, были отвергнуты издательством и журналом, где так успешно печатался наш автор, мог бы постараться отыскать еще одну причину (поскольку И. Веницкий отнюдь не первопроходец на хвостовской ниве): не есть ли этот прием игры – попытка замаскировать небольшую научную новизну данной монографии за частотой авторского остроумия, «виньеток» в духе А.К. Жолковского и прочих забавных штук, позволивших А. Генису определить тип литературоведческих разысканий автора книги как «комическое литературоведение» [15].

Отвергая подобные инсинуации, решительно заявим, что, несмотря на всю литературную эксцентрику подачи материала, автор остается вполне в границах научного мышления, а предлагаемая им картина жизни и творчества Д.И. Хвостова не лишена не только красочности, но и убедительности. Необходимо добавить: И. Веницкий выходит далеко за рамки историко-литературного / историко-биографического исследования, сознательно вторгаясь в сферу если не метафизическую, то уж философско-эстетическую определенно. Размышления о критериях «хорошей» и «плохой» поэзии, об амбивалентном и даже диалогическом характере этих понятий не лишены не только определенного остроумия, но и резона. Действительно, почему столь убежденное следование Д.И. Хвостовым поэтической норме и канону, своего рода «борьба» за канон, которую он вел, превращается в «борьбу» за антиканон? Отчего поэт, пишущий много и всерьез, никоим образом не пытающийся освоить тайны смехового слова, вдруг всем своим творчеством оказывается частью комического дискурса истории русской словесности? Почему комичен поэт, в замыслах которого было не так много стихотворений комической направленности, включая эпиграммы (в том числе и хорошо известную автоэпиграмму 1797 г.)?

Сам автор подобными вопросами не задается, однако уже одно то, что они возникают у читателя, вполне оправдывает появление этой книги. Структурно-семиотические критерии «хорошей» поэзии попытался вывести Ю.М. Лотман. Размышляя о дихотомии хорошая / плохая поэзия, он пишет: «Хорошие стихи, стихи, несущие поэтическую информацию, – это стихи, в которых все элементы ожидаемы и неожиданны одновременно. Нарушение первого принципа делает текст бессмысленным, второго – тривиальным». Или иначе: «Хорошие стихи – это те, искусственное порождение которых нам сейчас недоступно, а сама возможность такого порождения для которых не доказана». В доказательство своей гипотезы

Лотман приводит разбор хорошей пародии Вяземского на плохие притчи Хвостова [Лотман 1972: 128–129]» (с. 16). Опора на Ю.М. Лотмана в этой ситуации совершенно понятна: автор близок в своей любви к бинарности конструируемых им схем русской поэзии к определенным методикам московско-таргуской семиотической школы. И действительно, располагая на вершине русского поэтического олимпа Пушкина, а в самой глубине зияющей пропасти отечественной антипоэзии Хвостова, трудно не соблазниться подобным визуальным рядом: Пушкин, парящий в «горних всеях», и Хвостов и же с ним где-то внизу, в зловонных болотах творческого бессилия. Очевидно, что историко-литературная реальность в ее предельно наполненной известными автору деталями все-таки отличается от этой картины. Но для «развлекательного литературоведения» это в данном случае не так уж и важно. Из чего, собственно говоря, и вытекает авторское оправдание «чудовищной» поэзии: «Я, в свою очередь, полагаю, что чудовищная поэзия, в отличие от просто «плохой», по-своему информативна и не воспроизводима в пародиях. Более того, как справедливо заметил Г. Честертон в остроумной рецензии на «Чучело совы», плохая поэзия вполне может произвести хорошую философию [Честертон: 560]» (с. 16). При таком подходе становится понятным отсутствие у автора стремления сделать из героя книги великого поэта, но поясняется сама необходимость еще раз посмотреть на то, какое место занимает его поэзия в истории соответствующего периода отечественной словесности.

Здесь можно задать еще одним вопросом, связанным с настойчиво педантируемым И. Венициным утверждением о том, что только на фоне плохой поэзии становятся очевидными все достоинства хорошей. Вряд ли в действительности нужны Хвостов или Шаликов для того, чтобы понять, насколько хороши В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков или П.А. Вяземский, не говоря уже о А.С. Пушкине или Г.Р. Державине. Но вот адекватное понимание того, как функционируют те или иные механизмы порождения поэтических смыслов без анализа творчества поэтов условного второго, третьего и даже четвертого ряда, действительно невозможно. Симптоматика «литературной эволюции» (Ю.Н. Тынянов) и сам ее ход не определяются без широкого историко-литературного контекста (синхронического и диахронического, «горизонтального» и «вертикального»). Одним из первых это очень хорошо обозначил не кто иной, как В.Г. Белинский в очерке «Русская литература в 1841 году», выстраивая в нем (попутно заметим) схожую модель общения с «проницательным читателем», что и у автора рецензируемой монографии:

Б. – Однако мы уже так далеко зашли с вами, что, кажется, и не доберемся до Пушкина...

А. – Напротив, мы уже добрались до него...

Б. – Как? – Так неужели Карамзин, Дмитриев, Крылов, Озеров, Жуковский, Батюшков, Гнедич – и все тут?

А. – А кто же еще, думали бы вы? Неужели Николев, Бобров, Долгорукий, Хвостов, Остолопов, Подшивалов, Никольский, Глинки, Шаховской, Воейков, Измайлов, Шаликов, Пушкин (В.), Катенин, Пнин, Буторинский, Шатров, Горча-

ков, Бунина, Крюковской, Лобанов, Федоров (Б.М.), Кокошкин, Ильин, Иванов и пр.?.. – разворачивает В.Г. Белинский не лишённую иронических обертонов беседу: – Пора бы уже и перестать беспокоить их почтенные и заслуженные имена нашим журнальным критикам и обозревателям, как оставила в покое забывшая о них публика... Сверх того, не все, что касается до литературы, входит в историю литературы: многое поступает в ведомство статистики литературы, которая занимается всеми книгами и всеми писателями без изъятия, подводя их под числа и итоги... [16. С. 307].

Поставив задачу представить графа Д.И. Хвостова, оттолкнувшись от уже существующей традиции и попытавшись предложить новую интерпретацию этого феномена отечественной поэзии конца XVIII – первой трети XIX в., И. Виницкий определил для себя вполне конкретного собеседника, открывающегося за неопределённым образом читателя, – «моего дорогого читателя» (с. 10). Тому, кто мало-мальски знаком с современным «хвостоведением», несложно опознать в адресате М. Альтшуллера, известного историка русской литературы и автора упоминавшейся монографии [12], сыгравшей, по уверениям И. Виницкого, значительную роль в формировании концепции его собственного исследования. Именно диалог с этим читателем, продолжающийся на протяжении всей книги, позволит автору акцентировать внимание на существенных для себя моментах, аспектах и эпизодах, более или менее плавно переходить от одного сюжета к другому, т.е. обеспечит ту степень свободы научного нарратива, которую никак не может дать формат стандартной монографии.

Автор остроумно начинает представление своего героя через мозаичный портрет, представляющий собой забавный винегрет, состоящий из определений, которые давали Д.И. Хвостову А.В. Западов и Ю.Н. Тынянов, вперемешку с собственно авторскими:

Колоритный чудака в глазетовом камзоле; автор од и притч, кишаших забавными алогизмами и банальностями; навязчивый стихоплет, мучающий своими творениями несчастных слушателей; «русский Бавий» и «новый Тредиаковский»; «обломок» екатерининского века, «застрававший» в александровской эпохе и олицетворяющий «архаистическое явление мецената»; «отверженный Фебом» пиит, на которого в разное время опирались «затертые и обиженные литературные группы»; великолепный «чудодей и оригинал», литературный юродивый или Дон Кихот, живущий в своем смешном и никому не нужном поэтическом мире; значимая «мнимая величина» в бурной литературной истории первой трети XIX века. Какое богатство для наблюдателя и исследователя! (с. 9).

Соответственно, книга логично разделяется на две основные части, первая из которых отдана своего рода биографическому очерку, относительно краткому жизнеописанию («Истоки и хвостики»), а вторая – литературоведческой интерпретации ряда хвостовских текстов («Прогулки с Хвостовым»).

Первая часть выполнена достаточно традиционно: относительно короткие экскурсы, позволяющие наглядно представить читателю эпизоды из

жизни героя. Здесь, впрочем, историк биографии, литературовед и культуролог поддается соблазну «писательского соучастия», филологической игре с названиями вполне аллюзивными, а иногда и открыто цитатными («Обезьяна Бога», «Ход конем» и др.). Удовольствие от знания автором материала и умения этот материал изложить вне раздражающей читателя манере сохраняется. Доминантой этой части остается, пожалуй, симпатия к Хвостову-человеку, историческая репутация которого при всей ее литературной комичности не была запятнана ни преступлениями, ни особыми подлостями. Более того, за чередой всех тех насмешек, уколов или литературных обид остается вслед за автором удивляться тому чувству добродушия и искреннего сопереживания-радости по поводу чужих литературных успехов, которые сохранились у Хвостова до конца его дней: ...Помимо писания стихов, отнюдь не только смехотворных, он во всех отношениях был добрым и порядочным человеком, честным и исполнительным чиновником (с. 18). Человеческое лицо и добрая душа Хвостова проступают на фоне описанных Виницким подробностей его отношений и со стареющей императрицей, и с благодетелем Суворовым, и с новым государем Павлом Первым, и с его преемником. И здесь вдруг возникает любопытнейший нюанс: поэт, такой комичный в своей искренности и неталантливости, вдруг оказывается вполне успешным (с карьерной точки зрения) царедворцем, обретающим заметный карьерный успех благодаря не только протекции своего благодетеля и родственника А.В. Суворова, но и поразительно-умению выстраивать отношения уже в постсуворовскую эпоху. И если титул графа Сардинского вызывает у потомков ощущение почти анекдотическое (чем не «сын турецкоподданного?»), хотя и воспринимается современниками всерьез, то должности обер-прокурора Святейшего Синода, деятельное участие в работе Императорской Академии наук, должность сенатора и чин действительного тайного советника, конечно же, свидетельствуют о том, что Хвостов был определенно наделен талантами ловкого царедворца, хотя (отметим справедливости ради) за пределами к чином и подобного рода славе не стремился.

Не менее важно и то, что, как убедительно показывает автор, в жизни Хвостов сумел создать собственный уютный мир, где семейные ценности и устроенная повседневность становились залогом творческого благополучия: «Еще одной важной достопримечательностью хвостовского имени (помимо храма и Кубры) была поэтическая китайская беседка, установленная графом на островке, окруженном искусственным прудом. Сюда, подобно Державину, он приглашал, в стихах и прозе, своих приятелей и знакомцев, прежде всего литераторов» (с. 112).

Долгая жизнь Д.И. Хвостова, достигшего по меркам своего времени чуть не «мафусаиловых веков», была насыщена многообразными историческими событиями и становилась тем важнейшим фоном, на котором достижения и катастрофы русской поэзии конца XVIII – 20-х гг. XIX в. смотрятся особенно впечатляюще. Под умелым пером исследователя биография поэта превращается в своего рода путеводитель по дорогам живой ис-

тории русской словесности. Очевидно, эпоха все-таки устала от Хвостова, с сожалением констатирует И.Ю. Веницкий, и на смерть его откликнулась не слишком активно. Автор в долгу не остается и предлагает собственную эпитафию, вновь замаскированную под «обычный» текст: «Граф Хвостов любил скотов. / Любил до самой до могилы. / И чем же, чем ему соземцы отплатили? / Насмешкой глупою и скрежетом зубов!..» (с. 151).

Предлагая во второй части «прогулки с Хвостовым», исследователь не ограничивается узнаваемой аллюзией и фактически не оставляет читателю выбора. Сокрушив походя недавнее утверждение о «смерти автора» и «смерти литературы», он весело провозглашает фактическое бессмертие не только своего историко-литературного персонажа, но и всей словесности вместе с изучающей ее наукой. «Смотрите! – отзывается он почти не замаскированной цитатой из «Прогулок с Пушкиным» Абрама Терца, – вон же он, Дмитрий Иванович, скачет, как кузнецик, на тонких подагрических ножках вслед за Пушкиным и читает ему свои новые творения» (с. 155). Несмотря на сохраняющуюся игривость тона, речь во второй части идет о предметах достаточно серьезных, о том, что герой монографии «о себе оставил после кончины» «свою поэзию, свою репутацию, свою философию жизни, свой голос и свой незабываемый образ» (с. 155).

Квалифицированный филологический анализ разнообразных текстов Д.И. Хвостова позволяет автору всерьез говорить и об их поэтике, и об эстетике, о связях хвостовского творчества с очевидными традициями европейского и русского классицизма, о попытках (иногда достаточно удачных) эти традиции сохранить и умножить в совершенно неподходящую для этого литературную эпоху. Соглашаясь с мыслью В.Э. Вацура о творческих усилиях Хвостова в 1810-е гг. как о форме «борьбы за литературную репутацию», И. Веницкий указывает на чрезвычайно важное для нашего понимания общего литературного и культурно-художественного процесса этого периода обстоятельство: «...творчество Д.И. Хвостова с 1808 года можно назвать непрекращающейся гигантской апологией непризнанного, но уверенного в себе гения <...> чем громче смеялись над ним, чем меньше его печатали в престижных журналах, чем меньше внимания уделяли его творчеству в рецензиях и годовых отчетах о литературе, тем с большей настойчивостью (иногда почти маниакальной) он писал, переделывал, печатал и распространял свои сочинения» (с. 183). Другое дело, что ниша, которую так тщится заполнить Хвостов всеми томами своего собрания сочинений, так и остается «хвостовской» нишей и к вящему сожалению для читателей его таланта и к радости историков отечественной литературы пределами этими и ограничивается. Попытки выстраивать аналогии Хвостов – Козьма Прутков, Хвостов – капитан Лебядкин, Хвостов – модернисты начала века и ОБЭРИУты вряд ли убеждают. Не приходится сомневаться, что у поэтов нового века (и Олег Григорьев вписывается с не меньшими основаниями, чем помянутый в свое время А.К. Жолковским Э. Лимонов) иные эстетические причины, побуждающие к созданию «не-

стандартных» поэтических текстов. Однако это предмет, явно выходящий за рамки разговора о рецензируемой книге.

Закономерен итоговый вывод автора по поводу феномена Хвостова, с которым трудно не согласиться: «С историко-литературной точки зрения Хвостова точнее было бы назвать не «застрывшим в 20-х годах» представителем старой – патрицианской – литературной школы, но *интегральной частью* литературной жизни этого эстетически «пестрого» десятилетия, не затерянным обломком минувшего века, а сознательным и активным участником «литературного сегодня», быстро усвоившим новые правила литературного поведения и постоянно находившимся в поле зрения современников, не «мнимой величиной», а значимым литературным фактом или даже феноменом своей эпохи» (с. 206).

Не менее важной представляется и принципиальная для Виницкого мысль о том, что в каждом большом русском поэте было «немножко Хвостова» (с. 21). Именно этому посвящены завершающие книгу очерки, в которых в историко-литературных сюжетах представлены «хвостовские осколки» в творческой практике Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина.

Несмотря на то, что заканчивается книга вполне карнавалльно, отчасти в духе известных писем А.С. Пушкина и П.А. Вяземского октября – ноября 1825 г., «продукт» (пользуясь выражением автора) литературоведческих усилий И.Ю. Виницкого получился вполне научным. Вряд ли провозглашаемый в финале тезис о смеховом литературоведении должен восприниматься всерьез. И добавим: будет крайне печально, если у автора обнаружатся последователи именно по этой части. Главное, что отечественное литературоведение получило еще одно полноценное исследование по истории русской литературы и культуры конца XVIII – первой трети XIX столетия, предложившее действительно нетрадиционный и в этой нетрадиционности весьма полезный взгляд на важнейший период русской литературы. Возвращение из небытия графа Д.И. Хвостова, переосмысление его литературных усилий и репутации, конечно, не меняют радикально нашего привычного взгляда на историю русского золотого века, однако позволяют дополнить немаловажными деталями, еще раз всмотреться в ее, так сказать, «человеческое наполнение» и, возможно, разглядеть что-то неувиденное и расслышать неслышанное.

Литература

1. Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Собр. соч. : в 7 т. М., 2003. Т. 1. С. 69–263.
2. Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы / изд. подгот. И.А. Пильщиков, М.И. Шапир. М. : Языки славянской культуры, 2002.
3. Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928). СПб. : Искусство, 1999.
4. Томашевский Б.В. Пушкин : [в 2 кн.] / отв. ред. В.Г. Базанов. Кн. 1: (1813–1824). М. ; Л. : АН СССР, 1956.
5. Лотман Ю.М. Пушкин. СПб. : Искусство, 2005.

6. Лотман Ю.М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 5–66.
7. Вацуро В.Э. Избранные труды. М. : Языки славянской культуры, 2004.
8. Шапир М.И. Статьи о Пушкине / сост. Т.М. Левина ; под общ. ред. И.А. Пильщикова. М. : Языки славянских культур, 2009.
9. Пумпянский Л.В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Л.В. Пумпянский. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А.П. Чудаков. М., 2000. С. 158–196.
10. Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М. : Наука, 1969. С. 23–121.
11. Западов А.В. Пушкин и Хвостов. Из архива Хвостова / публ. А.В. Западова // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М. ; Л., 1938. Т. 1. С. 256–272.
12. Альтшуллер М.Г. Д.И. Хвостов. Биографическая справка // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 424–425.
13. Амелин М. Граф Хвостов: писатель и персонаж // Избранные сочинения графа Хвостова. М., 1997. URL: http://az.lib.ru/h/hwostow_d_i/text_0040.shtml (дата обращения: 06.07.2017).
14. Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М. : Новое литературное обозрение, 2007.
15. Роль плохих стихов: (Беседа Александра Гениса с Ильей Виницким, «Радио Свобода»). URL: <https://www.svoboda.org/a/28529466.html> (дата обращения: 06.07.2017).
16. Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году // Собр. соч. : в 9 т. М., 1979. Т. 1. С. 276–340.

С.А. Дубровская, О.Е. Осовский

“OTETS ZUBASTYKH GOLUBEY...”: LICHNOST’ I TVORCHESTVO GRAFA D.I. KHVOSTOVA NA FONE RUSSKOY POEZII [“THE FATHER OF TOOTHY PIGEONS...” PERSONALITY AND WORKS OF COUNT D.I. KHVOSTOV AGAINST THE BACKGROUND OF RUSSIAN POETRY]. BOOK REVIEW: VINITSKIY, I. (2017) GRAF SARDINSKIY: DMITRIY KHVOSTOV I RUSSKAYA KUL’TURA [COUNT OF SARDINIA: DMITRY KHVOSTOV AND RUSSIAN CULTURE]

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 51. 257–267. DOI: 10.17223/19986645/51/20

Svetlana A. Dubrovskaya, Oleg E. Osovsky, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru/osovskiy_oleg@mail.ru

References

1. Bakhtin, M.M. (2003) *Sobr. soch.*: v 7 t. [Works: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari. pp. 69–263.
2. Pushkin, A.S. (2002) *Ten’ Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy* [The shadow of Barkov: Texts. Commentaries. Excursuses]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
3. Modzalevskiy, B.L. (1999) *Pushkin i ego sovremenniki: Izbrannye trudy (1898–1928)* [Pushkin and his contemporaries: Selected works (1898–1928)]. St. Petersburg : Iskusstvo.
4. Tomashevskiy, B.V. (1956) *Pushkin: [v 2 kn.]* [Pushkin: [in 2 books]]. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Lotman, Yu.M. (2005) *Pushkin*. St. Petersburg: Iskusstvo. (In Russian).
6. Lotman, Yu.M. (1971) *Poeziya 1790–1810-kh godov* [Poetry of the 1790s–1810s]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sov. pisatel’.

7. Vatsuro, V.E. (2004) *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Shapir, M.I. (2009) *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
9. Pumpyanskiy, L.V. (2000) "Mednyy vsadnik" i poeticheskaya traditsiya XVIII veka ["The Bronze Horseman" and the poetic tradition of the 18th century]. In: Chudakov, A.P. (ed.) *Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical tradition: Collection of works on the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Tynyanov, Yu.N. (1969) *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Moscow: Nauka. pp. 23–121.
11. Zapadov, A.V. (1938) Pushkin i Khvostov. Iz arkhiva Khvostova [Pushkin and Khvostov. From the archive of Khvostov]. In: Balukhatyy, S.D., Pikanov, N.K. & Tsekhnovitser, O.V. (eds) *Literaturnyy arkhiv: Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniya* [Literary archive: Materials on the history of literature and the social movement]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 256–272.
12. Al'tshuller, M.G. (1971) D.I. Khvostov. Biograficheskaya spravka [D.I. Khvostov. Biographical information]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sov. pisatel'.
13. Amelin, M. (1997) Graf Khvostov: pisatel' i personazh [Count Khvostov: writer and character]. In: Amelin, M. (ed.) *Izbrannyye sochineniya grafa Khvostova* [Selected works of Count Khvostov]. Moscow: Sovpadenie. [Online] Available from: http://az.lib.ru/h/hwostov_d_i/text_0040.shtml. (Accessed: 06th July 2017).
14. Al'tshuller, M. (2007) *Beseda lyubiteley russkogo slova: U istokov russkogo slavyanofil'stva* [The conversation of lovers of the Russian word: At the origins of Russian Slavophilism]. 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Genis, A. (2017) *Rol' plokhikh stikhov* [The role of bad poetry]. [Online] Available from: <https://www.svoboda.org/a/28529466.html>. (Accessed: 06th July 2017).
16. Belinskiy, V.G. (1979) *Sobr. soch.: v 9 t.* [Works: in 9 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 276–340.